

лино́р гора́лик

18+

ИМЕНИ
ТАКОГО-ТО

Линор Горалик

Имени такого-то

«НЛО»

2022

Горалик Л.

Имени такого-то / Л. Горалик — «НЛО», 2022

ISBN 978-5-4448-1655-4

Октябрь 1941 года. Немецкие войска приближаются к Москве, а работающая в тяжелейших условиях психиатрическая больница имени такого-то ждет приказа об эвакуации. В атмосфере тревожного ожидания чувства героев достигают высочайшего накала, а больничный и военный быт становится все более осязаемым. История находящихся в смертельной опасности людей, больных и медиков, превращается в многослойную аллегорию, в которой переплетается военная историческая реальность и поэтический вымысел, самоотверженный подвиг и безумие, страх и надежда. К написанию этой книги автор готовилась много лет, опираясь на историю сложнейшей эвакуации московской больницы им. Алексеева (более известной как «Кащенко»). Линор Горалик – писательница, поэтесса и журналистка, преподавательница НИУ ВШЭ и Шанинки.. Текст содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-4448-1655-4

© Горалик Л., 2022

© НЛО, 2022

Содержание

1. Терпентазол	6
2. Вы всё видите	8
3. Маскировка	10
4. Сейчас поймем	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Линор Горалик

Имени такого-то

Редактор серии

Д. Ларионов

В оформлении обложки использована фотография Питера Генри Эмерсона «Берег в тумане», между 1890–1895 г. Рейксмузеум, Амстердам / Rijksmuseum Amsterdam.

© Л. Горалик, 2022

© Н. Агапова, дизайн обложки, 2022

© ООО «Новое литературное обозрение», 2022

В работе над этим текстом автор вдохновлялся историями эвакуации и бытования советских психиатрических больниц в годы Великой Отечественной войны (подробнее об этом рассказывается в послесловии). Естественно, вдохновение вдохновением, а текст текстом: все персонажи вымышлены, все события вымышлены, все совпадения случайны; а вот реальные люди, которые спасали и лечили пациентов в это страшное время, – по большей части немислимые герои.

1. Терпентазол

– Не тупите, Сидур, – прокряхтел Борухов, вцепившись в одно из жвал самолетницы: он тянул жвальце на себя, упершись хромой ногой в погнутый фюзеляж. Карманная аптечка мертвого немца уже выпирала у Борухова из-под халата, и доктор Сидоров с неприязнью подумал, что там она наверняка и останется. – Давайте тяните, Сидур, там должна быть основная аптечка, сейчас дождь пойдет.

– Шутка ваша поднадоела, – сказал Сидоров с отвращением, но все-таки подошел, оскальзываясь в грязи и крови, и, с усилием отодвинув заворачивающей красоты прозрачное, переломанное в трех местах надкрылье бомбардировщицы, все в толстых перламутровых прожилках, плавно переходящих в неживую стальную оболочку кабины, пристроился рядом с Боруховым и стал дергать зазубренное жвало на себя, плечом поминутно поправляя очки с толстенными стеклами.

– Ну, не Сидур, – примирительно сказал Борухов. – Шадур. Симхин. Шнеерзон. Впрочем, это все равно. Судя по тому, что эти твари сделали в Воронежске, им достаточно не вашего профиля, а профиля нашего, так сказать, заведения. Что это, кстати, за половинчатое решение – «Яков Игоревич»? Сделали бы уже вас Ярославом.

– Про Воронежск – это все слухи, зачем вы повторяете? – сказал Сидоров, слабея ногами.

– Не слухи, и вы это знаете, – прокряхтел Борухов, становясь от натуги пунцовым и продолжая дергать, наваливаясь и тянуть.

Внезапно жвальце самолетницы, страшно хрустнув, выломилось из паза, и на воротник грязного халата Борухова, на шерстяное, щегольское синее пальто излилась струя омерзительной бурой жижи. У Сидорова подступило к горлу. Борухов же как ни в чем не бывало втиснул руку в освободившийся паз: ясно было, что пальто теперь так или иначе не жилец. Из-под руки у него сочилось все то же месиво, пахнувшее одновременно машинным маслом и отвратительной нелюдской органикой, и если бы Сидоров знал, каково ему будет от этого запаха, он бы отказался участвовать во всей затее, отказался бы идти с Боруховым (который почему-то упорно тащил за собой именно его, хотя на подвиг, естественно, рвалась дура Милочка Витвинова, – а с другой стороны, не женщин же звать).

– Нащу-у-упал! – протянул Борухов удовлетворенно и худыми пальцами отщелкнул задвижку кабины пилота. Крошечная форточка распахнулась, отодвинутая пружиной, и стало казаться, будто бомбардировщица, чья оторванная зенитным выстрелом хвостовая часть с витым жалом и погнутыми винтами валялась сейчас за больницей, внезапно приоткрыла раскосый глаз. Борухов пошарил под панелью, что-то нашел, потянул, дернул и вытащил на свет аккуратно упакованный серый тканевый сверток с красным крестом в белом кругу.

– Откуда вы все это знаете? – спросил Сидоров, борясь с тошнотой.

– У меня сосед авиаконструктор, – ответил Борухов, вытирая аптечку об штаны. – Говорит, наши «жуželки» против их «хуммелей» – говно.

– Не пиздели бы вы так громко, – прошептал Сидоров в бешенстве.

– Господи, Сидоров, – сказал Борухов, – да теперь уже пизди – не пизди... Ну, давайте смотреть. Боженька, подсоби нам, бедным.

В аптечке, среди вполне ожидаемых, но сладостных вещей (Сидоров увидел восемь таблеток траназепама в блестящей конвалюте и жадно вздохнул) были они – два пузырька по 1,0 и маленький шприц. Борухов взял пузырьки в ладонь и сжал, и их стало не видно. Потом разжал ладонь, и их стало видно опять.

– Интересно, почему не одним пузырьком, – сказал Сидоров.

– Небось чтобы если один разобьется, второй был, – сказал Борухов со сложной интонацией. – Заботятся.

– А рассказывали про зуб с цианистым калием, – слабым голосом сказал Сидоров.

– Оно только у высших, наверное, – хмыкнул Борухов и опять сделал так, что пузырьки исчезли.

– Два по кубику – это фактически кому-то курс в вашем детском проколоть. Слабовато, но можно проколоть кому-нибудь. Весом до тридцати килограммов. Свияжской, например... Десять по ноль два...

– Пиздите, пиздите, пиздите, – раздраженно сказал Борухов, сдирая с себя омерзительное теперь пальто и кривой ногой вбивая его в слизкую грязь. – Стойте тихо и делайте вид, что со мной вместе копаетесь в этой хуйне, потому что из окон смотрят. Черт его знает, эта жуткая баба Райсс в курсе, что тут есть, или не в курсе; она в курсе каких-то диких вещей. Я позвал вас, потому что вы жалкий, Сидоров, и мне вас жалко. Слушайте же: один мне, один вам. Шприц тоже мне, он красивый. Вы меня поняли, Сидоров? Они будут тут через пять-шесть дней, не позже.

– Нас эвакуируют, эвакуируют, – сказал Сидоров. – Это немыслимо. Сталин знает, что они там творят. Будет приказ нас эвакуировать. И вообще, что вы несете! Они никогда, никогда тут не будут. В Москве! – Сидоров задохнулся и сдавленно сказал: – Вы предатель. Это... Это предательство Родины!

Борухов посмотрел на него внимательно и вдруг погладил по спине, как котенка.

– В вену только не пытайтесь попасть, порвете дрожащими руками, – сказал он. – Колите в бедро, здесь достаточно. Вы меня слышите, Зальцман?

Тогда Сидоров сказал, тяжело дыша, отступая назад к мертвому немцу и взмахивая руками в отсыревшем халате:

– Вы... Я старший медбрат. Мы не просто... Мы теперь госпиталь. Мы еще и военный госпиталь теперь! У нас сто восемьдесят человек! Три отделения плюс госпиталь! У нас детское острое! Я старший медбрат больницы. Это предательство Родины! И у меня есть пистолет... У меня есть пистолет.

2. Вы всё видите

Некоторое время Потоцкий стоял очень тихо и смотрел, как Мухановский управляется с кашей. С кашей Мухановский управлялся хорошо, ровненько: подхватывал ее ближним к себе углом саперной лопатки, аккуратно нес в рот, заглатывал, не ронял ни капли, даром что каша сегодня была еще жиже обычного, и Потоцкий все думал, сколько же пользы ему теперь будет от Мухановского, сколько пользы, а еще думал – страшная она, эта лопатка, осторожно надо. Впрочем, Мухановский был слаб; Потоцкий, человек простой, «придворный», как любила пошутить сестра-хозяйка Малышка, недаром двадцать три года был при заведении, много чего понимал; лопатки можно было не бояться. Если и горел когда в Мухановском боевой огонь, то, ясное дело, давно прогорел, и привезли его с другими контуженными эвакуацией уже тихого; в палате он терпел, а в огород приходил тайком плакать, и если раньше Потоцкий думал, что от боли в заживающей руке, то теперь – что от стыда.

Столовая гудела и звякала; кто-то плакал, кто-то еще плакал с ним за компанию, утро шло своим чередом, немолодая сестра Сутеева, большеногая и большерукая, как краб, за соседним столом оперативно кормила кашей сразу нескольких малышей из детского острого (впрочем, неострого сейчас и не было: всех тем самым приказом распустили по домам, кого могли, и на свободные койки с июня поступал страшный фронтовой контингент, и что бы они делали без него, Потоцкого, и без его золотых рук?). Потоцкий засмотрелся на Сутееву, на ловкость, с которой она орудовала кусочком серого хлеба у медленно ворочающихся или, наоборот, слишком говорливых ртов, – и чуть Мухановского не упустил: тот успел встать и, держа все еще припухшую руку с красноватым запястьем нежно, как младенца, стал потихоньку лавировать между столиков. Тогда Потоцкий тихо пошел за ним в коридор, покрытый корявым линолеумом, пристроился слева и стал внимательно смотреть Мухановскому под ноги. Мухановский неприязненно вскинул на завхоза близорукие глаза, и тогда Потоцкий сказал тихо и доверительно:

– Да вы не отвлекайтесь, вон жирная какая побежала!

Мухановский подскочил козликом, потом в ужасе замер и уставился на завхоза. Потоцкий смотрел на контуженного сапера не отрываясь, а потом покачал головой и сказал тихо, чтобы не услышал идущий мимо, белоснежным брюхом вперед, профессор Синайский с кусочком каши в не по-военному холеной бороде:

– Вы не по квадратикам ходите, Мухановский. Вы крыс видите, да? Я понял, вы крыс сквозь пол видите, боитесь крыс. Это ничего, мы с вами их повыведем.

– Ничего я не вижу, – прошептал Мухановский, пряча свою страшную руку за спину.

– А вот еще крупная! – радостно сказал Потоцкий и наугад ткнул пальцем в пол.

Мухановский дернулся.

– Ничего я не вижу! – прошипел он злобно, и вдруг саперная лопатка, заменяющая ему кисть оторванной руки, оказалась прямо у шеи Потоцкого.

– Вы всё видите, – тихо сказал Потоцкий. – Крыс. Провода. Мины.

Мухановский нехорошо дышал ему в лицо кашей и всем прочим.

– Мины, – еще тише повторил Потоцкий. – Отлично вы видите мины. Как же вас при этом угораздило, а, Мухановский? Интереснейшее получается дельце...

Потом он взял ставшего совсем маленьким Мухановского под здоровую руку и повел в палату, мимо окна, в которое Сутеева, высунувшись по пояс, закидывала маленькую самодельную удочку без поплавка.

– Не скажу, никому не скажу, не бойтесь, – ласково говорил завхоз Мухановскому, – зачем мне на вас говорить? У нас с вами большие дела впереди, мы с вами, дорогой, сегодня огородом заниматься начнем, картошку копать начнем.

– Я не могу, – слабым голосом сказал Мухановский, – еще болит... Шов болит очень... Я не могу ею копать...

– А вы показывайте, показывайте, где поспелей и покрупней, а копать – это я найду, кто, – говорил завхоз терпеливо. – Времени сэкономим! Да вы не бойтесь, и они не скажут. Я молчаливых найду. Вот, подождите, – и, оставив Мухановского, Потоцкий быстро побежал по коридору назад, к окну, откуда тянуло позднеоктябрьской мерзостью.

Дрожащая от холода медсестра Сутеева замерзшими толстыми пальцами боролась с задвижкой. Удочка валялась на полу, в зубах у детской сестры был серый, треугольный, криво надорванный листок. Потоцкий вместе с ней навалился на оконную раму, задвижка поддалась.

– Что, Настасья Кирилловна, есть новости? – участливо спросил завхоз.

– Уже думала, что нет, – сказала Сутеева, сжимая листок обеими руками, – уже думала, что и нет, две минуты стою, три стою – не тянет, не клюет, у меня сразу сердце падает, вы же понимаете, Сергей Лукьянович?

– Понимаю, – сочувственно сказал Потоцкий.

– Думаю – буду стоять, хоть насмерть замерзну, – сказала Сутеева, – хоть замерзну насмерть.

«Такая будет стоять, хоть насмерть замерзнет», – подумал Потоцкий.

– Вдруг как дернет! – сказала Сутеева радостно. – Как дернет! Как пойдет! Я как начну тянуть! Тяну-тяну, оно тянется-тянется, долго так тянется! Я сразу поняла – перекинули их куда-то подальше, влево, далеко-далеко крючок, уже не под Москвой они, и – перекинули! Но жив, цел, бьет врага, понимаете?

– Понимаю, – сказал Потоцкий. – Рад за вас, Настасья Кирилловна.

– Жив, цел, бьет врага, – вдруг сказала Сутеева совершенно упавшим голосом и взяла письмо в рот.

– Настасья Кирилловна, – сказал Потоцкий, помолчав, – картошку пора копать.

Она покивала, глядя в пол.

– Нам бы человека три еще. Вы, да я, да еще человека три, – сказал Потоцкий. – И вот товарищ Мухановский поможет нам кое-чем, нетрудно будет.

– Я бы из детского отделения пару молодых ребят – трудотерапия, я спрошу разрешения у профессора Борухова, – задумчиво сказала медсестра, вынув изо рта листок. – И Милочку Витвитинову надо взять, она сильная.

– Вот и спасибо, – сказал завхоз, настороженно поглядывая на Мухановского, но тот никуда не шел, топтался на месте, смотрел в пол, здоровой рукой поглаживал острые края лопатки.

– Сергей Лукьянович, – вдруг шепотом сказала Сутеева, – как же знать? Если бьет врага прямо сейчас – как знать: жив? цел?..

3. Маскировка

Женское отделение отвечало за светомаскировку. Черный октябрь наваливался на окна темнотой уже в три часа дня, приходила со своей маленькой командой вдвое исхудавшая за эти месяцы огромная сестра Витвитинова, и большие окна кабинета закрывались выданными завхозом кусками театрального бархата, о происхождении которого Райсс предпочитала ничего не знать. Витвитинова была сокровищем, и каждый раз главврач благодарила в сердце своем силы небесные за то, что эта нежная и обидчивая великанша так и не пошла учиться инсулиновой терапии, – а то быть бы сейчас Витвитиновой на фронте. Но голос у Витвитиновой был ужасного тембра, проникал в кости, и ежедневно пытаться дотерпеть до момента, когда она и ее подопечные уйдут восвояси, было совершенно невыносимо.

Внизу тяжело, не в лад, протопали обе выделенные больницы зенитки, и слышно было, как прибывший с эвакогоспиталем майор медслужбы Гороновский понукает их грязными словами, и опять у нее не хватило сил высунуться из еще не завешенного окна и крикнуть ему, что добром и лаской он мог бы добиться большего, чем понуканиями и угрозами. С Гороновским вообще непонятно было, что делать, он был полевой хирург, с контингентом разговаривать не умел и учиться явно не желал, на медсоветы не являлся или сидел, когда дело не касалось вопросов общего характера, с показным безразличием. Когда к ней в очередной раз ворвался взбешенный Синайский после того, как обход Гороновского в остром отделении закончился крайне нехорошо, она прямо сказала, что Гороновский нехорош и сам, его бы первого подлечить, на что Синайский заорал: «А вас бы не подлечить?! Нас бы сейчас всех подлечить!» – и сцена получилась ужасная, им пришлось извиняться впоследствии друг перед другом, и медсестры, как водится, все знали, она давно перестала задаваться вопросом, откуда медсестры всё всегда знают, это было пустое. Но если бы не Гороновский, не дали бы им никаких зениток, Гороновский и двое его подчиненных, сумевшие втроем доставить с фронта восемьдесят с лишним человек, большинство – с тяжелыми ранениями, были их спасением, это Райсс понимала хорошо, и еще понимала, что Гороновский иногда уходил куда-то с этими двумя, тоже молчаливыми и страшными, в ночь, и возвращался еще злее прежнего, иногда – в рваной одежде, но приносил спирт, ампулы, пузырьки, бинты, мази, иглы, а откуда приносил – она боялась спросить. Мало, совсем мало, и битвы между отделениями за эти ампулы и иглы были страшные, уродливые, отвратительные были битвы, но – приносил. Однажды он вернулся с пульей в ноге, и об этом она тоже спросить побоялась.

– Отходим от окошечка! – гаркнула над ухом Витвитинова.

Райсс вздрогнула и отошла. В кабинете стало совершенно уже темно, она ощупью отыскала свое кресло, дождалась момента, когда можно включить лампу, а Витвитинова все не уходила, топталась у стола, чесала голову с толстенными черными косами, уложенными вокруг головы в неправдоподобных размеров вал, увенчанный платком. Уже вышли гуськом ее подопечные, и главврач представила себе, как они пробираются мимо стоящих в коридоре мужских коек назад, к себе, в женское отделение, и помолилась про себя, чтобы обошлось без инцидентов.

– Говорите, сестра, – сказала она терпеливо, – ради бога, с пяти утра работаю и еще ночь впереди.

Витвитинова снова почесала голову.

– Да что с вами? – спросила Райсс раздраженно.

Тогда Витвитинова сказала что-то очень тихо, и ее нежнейшая белая кожа стала розовой, как детское мыло.

«Беременна», – в ужасе подумала главврач, и первая мысль была – что не отдаст она Витвитинову Гороновскому и аборт придется делать ей самой, а как?! – а вторая мысль – что,

не дай бог, эта дура соберется рожать, и только младенца им сейчас не хватает, – но тут Витвитинова выпалила такое, что лучше бы она была беременна:

– Вши!

– У вас вши? – переспросила Райсс и тут же, не удержавшись, почесала голову под наколкой.

– У всех вши, – сказала Витвитинова. – В женском отделении вши.

«Всех обрить заново к чертям», – быстро подумала Райсс и представила себе последствия. Захотелось лечь лицом в бумаги.

– А в мужском? – спросила она, стараясь звучать нормально.

– Наверняка, – сказала Витвитинова. – Везде ходим.

– Спасибо, Витвитинова, – сказала Райсс. – Ступайте и скажите, пожалуйста, завхозу, чтобы зашел ко мне через пять минут. Нет, скажите, чтобы через десять.

Ушла чешущаяся Витвитинова, она поспешно заперла дверь, пробежала через кабинет, подтащила к портрету табуретку и привалилась наконец к мягкому, шерстяному, родному мужскому плечу. Упершись обеими руками в стену, зажмурившись изо всех сил, она стояла так с минуту, и портрет не отстранился, не ушел в глубь стены, как это случалось, когда она была плохая девочка, когда говорила слишком много, работала слишком мало, во время обхода не находила в себе сил слушать, один раз заснула на партсовете (и спала несколько минут, и добрый старик Синайский ткнул ее пальцем в ногу, а остальные сделали вид, что не заметили ничего), а другой раз перепутала назначения и сама же сделала выговор Магендорфу и не призналась ни в чем. Но сегодня портрет был живой, теплый, простой френч и тяжелые усы пахли одеколоном и папиросами, пуговицы на груди мягко сверкали в свете лампы. Она вжалась в картину еще сильнее, так, что от шерстяной ткани стало больно щеке, и торопливо, горячо зашептала:

– Не сдадим, не сдадим, не сдадим, ни за что Москву не сдадим, ты это знай, знай, знай! Но и ты, пожалуйста, пожалуйста, ты пойми: мы без лекарств, мы без бинтов, мы без ничего-ничего! Я поэтому прошу, я только поэтому прошу, ты же все понимаешь, да? Ты же меня понимаешь, да? Я знаю, ты слышишь, ты понимаешь. Только поэтому, у меня в коридорах лежат, мы ночью через больных перешагиваем, наступаем, только поэтому эвакуироваться куда-то. Умоляю тебя, только поэтому. Не знаю, как мы это будем, а только знаю, что лучше как-то, чем никак. Пожалуйста, прикажи. Но если нет – то нет. Если нет – значит, так справимся. Значит, тебе видней. Ты один знаешь, а никто не знает.

Еще постояла, прижавшись. Отскочила, когда в дверь постучали, потерла щеку, пошла, впустила Потоцкого. Он вплыл в кабинет осторожно, увидел горелые следы на стене там, где по бокам от портрета прижимались ее ладони, подошел, привычно достал из нижнего отделения старого, еще с неназываемых времен стоящего здесь надежного шкафа ведро с краской и мастерок.

– Следующий раз надо будет побольше вокруг снять, – сказал он, ловко зачищая обгоревший слой, – вон трещинки вверх пошли, не очень хорошо. – И, посмотрев на нее через плечо, неловко спросил: – Нет ли чего... В смысле ясности?

Она, глядя в пол, покачала головой и скороговоркой сказала:

– Я вас, Сергей Лукьянович, позвала с плохим известием. У нас вши, женское отделение, но, наверное, везде. Включая, собственно, персонал.

4. Сейчас пойдем

– Что вы делаете, а? – сказал Сидоров, чувствуя, как от того самого стыда за другого – не за себя, – который он ненавидел больше всего и хуже всего переносил, отвратительно немеют щеки и чешется совершенно чужая, лысая и колючая голова. – Ну что вы делаете, а? Яков Борисович, вы, конечно, автор, так сказать, этого аппарата, и мы вам все за него в ножки кла-
няемся, но все равно – что же это вы делаете?.. А вы, Борухов, – я вообще не понимаю, вы глава детского отделения, педагогический пример...

– ...и если бы детки меня сейчас видели, они бы, во-первых, все поняли, а во-вторых, тут же бросились друг друга тоже бить электрошоком, – раздраженно сказал Борухов, выплюнув загубник и выворачивая шею. – Зайдите, закройте за собой дверь, отличник медицинской службы, и говорите тише. А вы, Яков Борисович, любимый мой, неосторожны.

Маленький шарообразный профессор Синайский пристыженно покачал пятнистой от старости головой и развел нежными ручками. Сидоров быстро прикрыл за собой дверь процедурной. Пахло озоном и почему-то тухлой селедкой.

– Что вы тут делаете, Сидоров? – раздраженно спросил Борухов.

– Бреем же; меня еще за выварками послали, – брякнул Сидоров, не подумав, с кем говорит; глаза Борухова насмешливо сузились, и старший медбрат, почувствовав себя мальчиком на побегушках, разозлился окончательно. – Это я должен спрашивать, что вы тут делаете! – возмутился он. – Вы больны, Борухов? Тогда извольте написать докладную, вам нельзя работать с пациентами, мы вас госпитализируем. А вы, Яков Борисович, если его лечите, извольте также сообщить на общей комиссии протокол и... и так далее вообще. – Сидоров сбился, нападать на благостного и премудрого священного старца Синайского совершенно не хотелось. От столика на колесах тянулись к надетой Борухову на голову «вилке» с примотанными по краям мокрыми тряпочками толстые разномастные провода; немецкий журнал со схемами завхоз сжег и правильно сделал, а где он его изначально взял – о том никто не спрашивал, конечно. Считалось, что не было никакого журнала: что-то Синайский слышал, потом они с Потоцким заперлись в сарае на четыре дня, а потом неуклюжий уродливый аппарат перетащили в процедурную, и жить стало легче.

– Это хорошо, дружочек, – ласково сказал Синайский, – не надо подавлять агрессию, это вы молодец.

– При чем тут агрессия, – буркнул перегоревший и медленно наполняющийся едкой неловкостью Сидоров. – Просто весь персонал бреет, вы бы Витвитинову видели, первой побрилась, рыдает и бреет, и я не понимаю... Там тяжело процесс идет, конечно. Соппротивление; случаи истерики.

– А как же, – сказал Борухов. – Прямая связь с идентичностью.

– Думают, вы в палатах. А вы тут, – сердито сказал Сидоров.

– А мы тут, – весело сказал Борухов, собачьим движением стряхивая вилку с головы, обтирая рукавом халата мокрые виски и подмигивая Синайскому.

– Но что же вы делаете? – спросил Сидоров жалобно. – Я не понимаю.

Борухов посмотрел на Синайского, как мелкий хулиган на мелкого хулигана перед тем, как впервые пойти грабить папиросный ларек.

– А ну-ка ложитесь, – вдруг бодро скомандовал он и вскочил с кушетки.

– С ума сошли, – вяло сказал Сидоров.

– Ложитесь, дружочек, – сказал Синайский, – не бойтесь. Я давно сообразил, немцам, итальянцам такое не придумать, вот смотрите: тут маленькая зарубочка напильничком. Ток сла-а-а-абенький, но импульсы частые, три удара в секунду. Так вот: растормаживает под-

корку совершенно особенным образом. Механизм описать не берусь, мне бы для этого лабораторию, трех-четырех человек... Но, может, если нас все-таки...

– Э-те-те-те-те, – предупреждая сказал Борухов.

– Нет, нет, не важно, – спохватился Синайский. – Но вы сейчас увидите. А ну ложитесь, ложитесь.

– Вы же старший медбрат больницы, – сказал Борухов исключительно серьезно. – Как вам не лечь, не разобраться, а, Сидоров?

Сидоров стал потненький. Потом мокрыми сделались виски, потом Борухов быстро поменял салфетку на загубнике; нехорошо, по-любительски взвизгнул аппарат, а потом Сидорову стало очень неудобно между ног, а еще начало Сидорова бесить шарканье по земле собственных тяжелых, и без того ненавистных зимних ботинок. Сидоров посмотрел вниз и увидел, что несется он верхом на гигантском горбатом зайце, огромном, как пони, и заячий горб страшно терзает его, Сидорова, плоть, – а кроме того, огромный заяц огромен недостаточно, и волокущиеся по земле ботинки забирают мокрую ноябрьскую – именно ноябрьскую – грязь. Сидоров хотел соскочить с зайца, но не тут-то было: заяц несся быстро, быстро, Сидорову было страшно, он изо всех сил держался за заячьи длинные уши, свистел ветер, Сидоров в ужасе крикнул: «Ты куда несешь меня?!» – и заяц ответил ему жутким фальцетом: «Деток кормить!..» На секунду Сидорову представилось, что заяц собрался кормить своих деток им, и он завыл, но тут же и понял, что за плечами у него мешок с какой-то снедью и что заяц несет его кормить этой снедью обыкновенных деток, человеческих, и вдруг перестало быть страшно, а стало спокойно, что детки не останутся голодными, главное – не думать, что в мешке и откуда оно взялось. Тут вдруг спине Сидорова стало очень легко, и Сидоров понял, что выронил драгоценный мешок; он страшно заорал и стал дергать зайца за уши, но никакого зайца уже не было, а была только ординаторская, и он, Сидоров, так сжимал руки Борухова, что тот вырывался и морщился. Электрошокер отключили, «вилку» сняли; Синайский жадно спрашивал:

– Ну что? Ну что?.. – Но Сидоров некоторое время не понимал, чего от него хотят.

– Ехал на зайце, – вяло, с одышкой сказал он. Рассказывать не хотелось.

– Главное – время, – сказал Синайский жестко. – Когда?

– Ноябрь.

– Говорите точнее, – сказал Борухов. – Оно показывает довольно точно.

– Я не знаю, – плаксиво сказал Сидоров.

– Сейчас пойдем, сейчас пойдем, – сказал Синайский и потащил из кармана календарик с видом Девичьей башни. – Смотрите и говорите; вот ноябрь: первая неделя?

– Нет, – с неожиданной уверенностью сказал Сидоров. – Но и не вторая. Начало третьей?

– Ай молодец, – сказал Борухов и посмотрел на старшего медбрата как на дурного ребенка, неожиданно принесшего четверку, а потом жадно спросил: – Ехал на зайце где? Москва? Думайте хорошо.

– Точно нет, – вдруг сказал Сидоров и прикрыл рукой рот.

– Где? – спросил Синайский. – Где?

– Я честно не знаю, – шепотом сказал Сидоров. – Поле. Черное поле.

– Куда? – спросил Борухов.

– К деткам. Еду вез, – сказал Сидоров и почему-то устыдился.

– Вот же невозможный человек, – сказал Борухов.

– Что-то там было примечательное? – мягко спросил Синайский. – Вода? Горы? Архитектура?

– Только поле и грязь, – сказал Сидоров, – ничего больше. В мешке что-то страшноватое или краденое, но еда. Мне от этого хорошо было.

– Еще бы вам не было, – сказал Борухов со вздохом.

– Главное ясно, – сказал Синайский, – главное полностью ясно.

– Что? – жадно спросил Сидоров.

– Главное, – сказал Борухов.

Все еще ничего не понимая и начиная злиться, Сидоров спросил:

– А вы что видели?

– Разное, – уклончиво сказал Синайский.

– Ну? – упрямо спросил Сидоров.

– Чудо-юдо-рыба-кит, – сказал Борухов. – Все бока его изрыты, частоколы в ребра вбиты.

Воняет теперь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.